

Неудавшееся миротворчество: миссия Франческо да Колло и Антонио де Конти в Москву (1518–1519)

О.Ф. Кудрявцев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В статье рассматривается миротворческая миссия Франческо да Колло и Антонио де Конти, послов императора Священной Римской империи Максимилиана I, к великому князю Московскому Василию III 1518–1519 гг.. Основной задачей миссии было примирение Великого княжества Московского с Польско-Литовской унией, чтобы привлечь силы обеих держав к планировавшемуся совместному выступлению европейских христиан против Османской империи, чья экспансия на Юго-Востоке Европы представляла серьёзную угрозу. Центральным объектом исследования выступает составленный по итогам поездки отчёт Франческо да Колло, который не только описывает ход переговоров, но и раскрывает уникальные детали российской дипломатии и придворных традиций начала XVI в.. Статья демонстрирует, что церемонии, такие как приёмы, застолья и охоты, играли ключевую роль в дипломатических практиках того времени. Отдельное внимание уделяется описанию да Колло своих взаимодействий с Василием III и его приближёнными, которое показывает первостепенную значимость личных встреч и неформальных контактов в дипломатическом процессе эпохи. Несмотря на усилия посланников, миссия смогла добиться лишь заключения годового перемирия: непреодолимыми препятствиями для всеобъемлющего мира оказались территориальные разногласия, включая спор о принадлежности Смоленска, а также проблема возвращения из Польши захваченных русских военнопленных. Наконец, отчёт да Колло также иллюстрирует механизмы формирования образа Московии как восточной, деспотической державы, представляя собой один из самых ранних примеров конструирования России как «Другого» для Европы Нового времени.

Ключевые слова: Московия, Россия, Священная Римская Империя, Франческо да Колло, Василий III, дипломатические переговоры, дипломатический церемониал

«И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам...»
А.С. Грибоедов

Посольство Сигизмунда Герберштейна 1517 г. в Москву закончилось безрезультатно. Цель его состояла в том, чтобы содействовать примирению враждовавших между собой двух крупнейших государств Восточной Европы – объединённых династической унией Польши и Литвы, с одной стороны, и России, – с другой. Агрессия Османской империи, широко развернувшаяся не только на Переднем Востоке, но и в Европе, представляла непосредственную и очень серьёзную угрозу для христианских государств Юго-Восточной и Центральной Европы. Правитель крупнейшего государственного образования региона император Священной Римской Империи Максимилиан I Габсбург, как и папа римский, прилагал все усилия, чтобы достичь единства христианских государей для организации совместной борьбы с османами. К ней он имел в виду приобщить Польско-литовскую унию и Россию, направив их вооружённые силы не на войну друг с другом, а на общее дело противодействия османской экспансии, на что, в частности, указывал Франческо да Колло в составленном по итогам его дипломатической миссии в Москву отчёте: «Переговоры о мире между Светлейшим Королём Польши Сигизмундом и Великим Князем Московским Василием, проведённые в 1518 г. Сиятельными Господами Франческо да Колло, рыцарем, дворянином из Конельяно, и Антонио де Конти, Падуанским дворянином, посланниками Его Величества Императора Максимилиана Первого. Сочинено упомянутым Госп. рыцарем Франческо. С рассказом о самом путешествии и о северных странах, о Рифейских и Гиперборейских горах, об истинном происхождении реки Танаис и о Меотийских болотах»¹. В нём он также упоминал о безрезультатности предшествующих посольств к Сигизмунду, королю Польши, великому князю Литвы и государю Красной Руси (Sigismondo Re di Polonia, gran Duca di Lithuania, e dominator della Russia rossa), и Василию, великому государю всея Руси и великому князю Московии (il gran Basilio Dominator de tutta la Russia, e gran Duca di Moscoiua); в частности, он вёл речь о посольстве Сигизмунда Герберштейна,

¹ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace tra il Serenissimo Sigismondo Re di Polonia, et Gran Basilio Principe di Moscoiua hauuto dalli Illustri Signori, Francesco da Collo, Cauallier, Gentil'huomo di Conegliano, et Antonio de Conti, Gentil'huomo Padouano, Oratori della Maestà di Massimilian, Primo Imperatore l'anno 1518. Scritta per lo medesimo Sig. Cauallier Francesco. Con la relatione di quell uiaggio, et di quei paesi settentrionali, de' monti Riphei, et Hiperborei, della uera origine del fiume Tanai, et della Palude Meotide. Padoa, per Lorenzo Pasquati. P. 1v et passim.* См. подробнее о международно-политической ситуации, возникшей в Европе в связи с османской агрессией: (Карамзин 1842: 56–57; Соловьев 1989: 251–252; Писаревский 1895: 18; Uebersberger 1906: 112–158; Зимин 1972: 186–193; Хорошкевич 1980: 205–210; Кудрявцев 1997: 7–10; Сеницына 1997: 35–37).

вернувшегося домой с двумя посланцами-москвитами Владимиром Племянниковым и толмачом Истомой Малым (dopo il ritorno dell'ultimo suo oratore il Sig. Sigismondo Herberstain con li due di Moscouia Valodimera Plemetico, e isthoma interprete). Проявляя настойчивость, Максимилиан I, собственным владениям которого в Центральной Европе османы представляли уже непосредственную угрозу, сразу нарядил новое посольство в Московию, возложив его тяготы на собственные плечи Франческо да Колло и Антонио де Конти – теперь уже им предстояло проделать, по откровенному признанию автора, «весьма длинный небезопасный путь»². Заслуживает внимания сохранившееся в рукописной версии труда Да Колло его пояснение о том, что выбор сотоварища – Антонио де Конти был произведён им самим с согласия императора Максимилиана, по видимому, желавшего исключить возможность каких-либо разногласий между членами посольства, способных пагубно сказаться на результатах их миссии³. Что касается Антонио де Конти, то А.А. Зимин полагал, будто тот был папским легатом (Зимин 1972: 190; См. также: Симчич 1996: 35. Прим. 26), а это означало бы, что посольство было направлено не одним, но двумя суверенами; впрочем, никаких доказательств этому историк не приводит.

Вместе с императорскими посланцами возвращались восвояси упомянутые выше московские дипломаты. Кроме Да Колло и Де Конти в состав посольства входил также племянник Герберштейна Джованни делла Торре (Giovanni della Torre)⁴, имя которого произносилось по-немецки как фон Турн (von Thurn), в русских же документах он значился как Ян Фонтурн⁵. Конечно же, были ещё лица не дипломатического ранга, сопровождавшие посольство, – слуги и охрана.

Императорские посланцы были снабжены инструкциями, в которых чётко обозначалась цель их миссии: всячески содействовать примирению москвитов с поляками и литовцами или, по крайней мере, заключению соглашения о пятилетнем перемирии между ними; предписывалось также агитировать и русского государя, и польского короля участвовать своими войсками «в общем предприятии всего христианского мира против турок, вечных врагов христианского имени»⁶. В инструкциях несколько раз приводился титул российского правителя Василия III с небольшими и несущественными вариациями, но неизменным

² "...senza altra interpositione di tempo poner il peso di tal pratica sopra le spalle mie, e del Magnifico Sig. Antonio de Conti gentil'huomo Padouano, e grauarci di si lungo, et sinistro camino..." (Collo Fr. da. 1603. *Trattamento di pace*. P. 1v-2r).

³ "...mi lasso arbitrio di elegger collega a uoto mio perche il uiaggio mi fosse men noioso et con più piacer si comportasse... et io chiamai per collega misser Antonio Conte Padouano..." (Da Collo Fr. 1558. *Trattato Moscovitico con gli accidenti come in quello viaggio di 2000 miglia*. Cracovia. P. 2rv). Рукопись хранится в библиотеке Ягеллонского университета в Кракове – Bibliotheca univ. iagell. Cracoviensis. Ms. 11726, шифр: RKPBJ 7149). См. также: (Симчич 1996: 11).

⁴ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 2r.

⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Санкт-Петербург, Москва, 1851. Т. I. Стлб. 411.

⁶ "...perche con le comuni forze di tutta la Christianità si prenda l'impresa contra Turchi sempiterni nemici del nome Christiano" (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 3v).

оставалось признание его герцогом (то есть князем) Владимирским и Московским, а также великим князем и государем всея Руси и обращение к нему как к «брату нашему дражайшему»⁷.

Посланники также везли с собой письмо Максимилиана I к Василию III, в котором упоминалось об особой обязанности императора иметь попечение обо всём христианском мире (*s'appartiene per lo carico, che teniamo di tutta la Christiana Republica di haver cura*) и в силу этого стремиться к миру и согласию между христианскими государями; вот с этой миротворческой миссией добиться согласия между ним и королём Польским направлены к российскому правителю Франческо да Колло и Антонио де Конти.

Особое поручение императора

Помимо решения международно-политических проблем посольство должно было внести ясность в один серьёзный вопрос научного свойства. Возник он как раз накануне отправки императорских представителей в Москву.

Как пишет Да Колло, 28 апреля 1518 г. затребованные императором посланцы должны были из Инсбрука перебраться в г. Галле, где находился двор. Как раз в это время императору был преподнесён «Трактат о двух Сарматиях, Европейской и Азиатской», созданный, как сказано, «известным краковским медиком и философом»⁸. Речь, конечно, идёт о получившем вскоре широчайшую известность космографическом произведении (1 изд. – 1517 г.) Матвея Меховского, которого Да Колло, не называя его по имени, характеризует вроде бы объективно и даже положительно, но, как очевидно из контекста, с определённо иронической интонацией⁹. Далее Да Колло, весьма точно передавая основные выводы трактата, пишет, что в нём Птолемей, величайший авторитет в космографии и других науках, обвинялся в невежестве и в больших ошибках при описании севера, в особенности же когда утверждает, что река Танаис (то есть Дон), отделяющая Азию от Европы, берёт начало в Рифейских горах, отрицая наличие в этом северном регионе каких-либо Рифейских и Гиперборейских гор.

Услышав всё это, император, сведущий в космографии и с большим уважением относящийся к Птолемею, дал, как уверяет Да Колло, ему «специальное задание исследовать со всей возможной тщательностью истину», выяснив,

⁷ “il Serenissimo Principe Basilio Duca di Volodimeria, e di Moscouia, et gran principe de tutti I Russi Signore e fratello nostro Carissimo” (Ibid. P. 1v-2r). См. близкую формулу: (Ibid. P. 4r). Чуть выше в пояснительном тексте самого Да Колло Василий III обозначен сходным образом как “il gran Basilio Dominator de tutta la Russia, et gran Duca di Moscouia” (Ibid. P. 2v).

⁸ “...oue [in Halla] Cesarea Maestà si trouaua essendole stato presentato un trattato delle due Sarmatie Europea, et Asiatica, composto da un famoso medico, et philosopho Cracouiense...” (Ibid. P. 5v). См. изд. трактата: Mathias de Miechow. *Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana, et de contentis in eis*. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. Москва, Ленинград, 1936.

⁹ См. также наблюдения: (Симич 1996: 12). Слово “famoso” (в выражении “famoso medico, et filosofo Cracouiense”) можно передать не только как «известный», но и как «пресловутый».

справедливы ли утверждения польского учёного, в частности о том, что река Танаис имеет истоки в каких-то скоплениях воды и болотах в Московитских пределах, в Рязанской земле¹⁰. И подобное специальное задание очень пришлось по душе Да Колло (а me fu carissimo), готовому послужить и в этом случае Его Императорскому Величеству.

Путь в Москву

В конце апреля 1518 г. посольство Максимилиана I к Василию III тронулось в путь. Перед этим московитские послы, ехавшие вместе с императорскими дипломатами, «были одарены одеждами, деньгами, серебром и другими вещами». Вместе со всеми выехал из Галле «монах Николай, папский посол, и господин посол Сигизмунд Герберштейн, направлявшийся в Венгрию». Как известно, Герберштейн недавно вернулся из Московии (Хорошкевич и др. 2008: 85–89) и, конечно же, консультировал новых послов, ехавших ему на смену; папским послом был монах Николай Шонберг¹¹. Да Колло называет несколько австрийских городов, их минула вся большая компания по дороге к Вене, достигнув которую дипломаты разошлись: Шонберг и Герберштейн направились в Венгрию, а Да Колло и Де Конти вместе с русскими через Богемию поехали в Польшу¹². Да Колло пунктуально указал все остановки в Моравии и Силезии прежде чем они достигли «Кракова, королевской столицы и главного города Польского королевства»¹³. Здесь уже вёл переговоры с королём о заключении с московитами пяти или шестилетнего перемирия гонец Джованни делла Торре (фон Турн); в поддержку предложения посольства, уговаривая короля его принять, выступил маркграф Бранденбургский. Но король затребовал для объяснений самих послов, от имени которых перед ним с изложением целей своей миссии выступил Да Колло¹⁴.

В случившемся конфликте польская сторона обвиняла князя Московского, будто бы нарушившего двусторонние договорённости¹⁵; больше же всего её раздражение вызывал переход Смоленской крепости (la Roca de Smolenzco) к московитам, без возвращения которой, как заявляли поляки, невозможен никакой мир¹⁶. Камнем преткновения для двустороннего урегулирования была

¹⁰ "...sua Maestà... mi diede specialissimo carico di inuestigar con ogni possibil diligentia il vero, et se possibil fosse, che costui solo doppo tanti secoli hauesse con ragion descritto tal fallacia, soggiungendo specialmente prefatto fiume traher origine da certa colluue d'aque, et palludi nelle parti Moscouitice et region Rezenze..." (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 6v).

¹¹ О деятельности Николая Шонберга как папского посла в Литву и Москву см.: (Шмурло 1937: 106–107; Синицына 1997: 38–41).

¹² Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 7rv.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 7v–9v.

¹⁵ "...I Consiglieri regii habbiano incolpato il duca di Moscouia della transgressione, et uiolation de patti, che tra essi principi erano..." (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 10v).

¹⁶ Ibid. P. 10v–11r.

также проблема русских пленных, после битвы при Орше 1514 г. (Карамзин 1842: 43; Соловьев 1989: 239; Шмурло 1937: 101–103; Граля 1992: 46–50) в большом числе находившихся на территории Польши и Литвы¹⁷.

Миновав Польшу, посольство вступило на территорию Литвы; границей двух союзных государств служило находящееся к востоку от города Люблина «небольшое болото» (*vna picciol palude con rosa quantità d'acqua*). В начале июня посольство достигло города Брест (Press), его замок, как отмечено, построен из дерева и хорошо укреплен; дополнительной защитой могла быть и болотистость вокруг замка, так что Да Колло со спутниками, по его уверению, пришлось целый день ехать на лошадях «по деревянной улице» (*per tutto un giorno caualcar per una strada di legname*), то есть по деревянным настилам из брёвен, связанных между собой¹⁸.

В Бресте возникла проблема: императорское посольство намеревалось ехать дальше через Вильну, главный город Великого Княжества Литовского, но поляки выставили требование, чтобы московитские послы направлялись иным путём – лесами и болотами (*per le selue, et per le paludi*). В этих условиях посланцы императора решили проявить солидарность со своими коллегами-московитами и ехать с ними, вместе подвергаясь испытаниям, которые им уготовит фортуна¹⁹. В связи с чем, держа путь на восток, они должны были не только делать привалы, но и ночевать под открытым небом в лесах и болотах (*si convene dormire nei boschi, et paludi*). Из достаточно крупных городов они миновали Слоним, а затем Новогрудок, название которого Да Колло передаёт как «новый город» (*Nouigroth Cittanoua*). Затем он упоминает в краковской рукописи город Минск как владение князя Меншовича (*una Terra del Duca Mensbouich*). Ещё несколько дней посольство ехало лесами, пока не достигло реки Березины, по словам Да Колло, «отделяющей Литву от Руси» (*arriuammo al fiume Borexina, che diuide la Lithuania dalla Russia*). Далее оно прибыло в город Борисов (*Barizosph*), а затем на берег реки Робор (*il fiume Robor*), «у которой, – сказано в тексте, – за несколько лет перед этим состоялось великое и кровопролитное сражение между московитами и поляками, в ходе его было разбито и убито более восьмидесяти тысяч московитских кавалеристов²⁰. Речь идёт об упомянутой выше Оршанской битве лета 1514 г., победителями в которой действительно были поляки и литовцы, хотя цифра русских потерь у Да Колло многократно завышена.

Следующим пунктом, которого достигло посольство, стало местечко Лиониш (*vn loco detto Lionisch*), а за ним Орша, как подчёркнуто, «известный и большой литовский город с сильной крепостью под управлением герцога»,

¹⁷ Ibid. P. 11r. О русских пленниках см. также: (Соловьев 1989: 239).

¹⁸ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 13r. См. в этой связи сообщения о мощёных дорогах других иноземцев: (Ключевский 2023: 126–128).

¹⁹ “facemmo resolutione di far ancor noi la strada de boschi acquosa, et paludosa, lasciando il uiaggio per la Città, et sottoporci con essi ambasciatori di Moscouia ad ogni incommodo di fortuna...” (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 13v).

²⁰ Ibid. P. 13v–14r.

то есть князя; город этот «окружает большая река Борисфен, на их, то есть местном, языке именуемая Днепр» (la qual [Terra] circonda il gran fiume Boristhene detto Dneper in quell linguaggio). Тут же Да Колло даёт географическую справку о Днепре, сообщая информацию сколь неточную, столь и ненадёжную. Эта знаменитая река, пишет он, вытекает из Белой и Великой Руси Светлейшего князя Московского, причём в Белой Руси она протекает через Полоцк и Киев, забранный у московитов королём Польши, если верить Да Колло, затем, пройдя несколько городов, включая Оршу, она достигает пределов Красной Руси и проходит через славный город Львов, а далее, минуя Тавриду, Херсонес и земли крымских и перекопских татар, впадает в Евксинское [=Чёрное] море²¹. Среди прочих неточностей укажем лишь некоторые: конечно, ни Полоцк, ни Львов не стоят на Днепре, а Орша находится выше по его течению, чем Киев, крымские и перекопские татары – один и тот же народ.

За Днепром посольство прибыло в город Дубровну (Dobroffna), возле которого оно переправилось через другую реку, Кропивну (Croppifno), окрасившуюся после битвы, как гласит молва, в цвет крови, сообщает Да Колло, снова возвращаясь к сражению при Орше. Послов сопровождал большой отряд всадников; были отправлены гонцы в Смоленск, чтобы сообщить московитским властям о прибытии императорского посольства и получении от них разрешения ехать ему дальше к их государю (al prencipe loro). На московитской границе послов встречало «множество людей во главе с неким сатрапом, облачённым в златотканую одежду»²². Сразу заставляет обратить на себя внимание слово «сатрап», заимствованное из политического лексикона, который широко использовался для описания государственных режимов и общественных отношений стран Востока. Здесь же, в тексте Да Колло, он был применён для обозначения и характеристики московского должностного лица, что соответствующим образом настраивало на восприятие всего остального материала о Московии. Количество встречающих и парадное одеяние «сатрапа» свидетельствовали, что к первому приему иноземных гостей русские власти, как могли, приготовились; из отечественных документов известно, что к посольству выехал представитель смоленского наместника князь Александр Стригин в сопровождении детей боярских, и встретились они на реке Взрубе²³.

²¹ "... questo fiume insigne dessende dalla Russia bianca, et grande del Serenissimo Prencipe di Moscouia, et per essa Ruscia (sic!) bianca toccando Poluzch, et Chiouia, Città di essa prouincia, tolte dalle mani de Moscouiti per lo Re di Polonia, fa il suo corso, uenendo a Smozath, Drogoluia, et orsa, come di sopra, entra nella Ruscia rossa et tocca Leopoli Città insigne di essa prouincia, et passata la Taurica, Chersonesso, et le Terre del Chrimpsi, et pericopsi del Tartaro entra nel mar Eusino..." (Ibid. P. 14v).

²² "...apparue gran numero di gente di essa prouincia, alle quali precedeua un certro Satrapa, vestito di vestimenti d'oro..." (Ibid. P. 14v).

²³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 1851. Санкт-Петербург, Москва. Т. I. Стлб. 339, 340.

Поскольку Россия находилась в состоянии войны с Польшей и Литвой, то враждующие стороны для препровождения посольства во владения московитов договорились об однодневном перемирии из уважения к императору и его посланцам (*la Tregua per un sol giorno per rispetto della Cesarea Maestà, et de suoi Oratori*)²⁴. Да Колло свидетельствует о живописных подробностях этого дня перемирия: русские, поляки и литовцы ходили в гости друг к другу, общались вполне дружелюбно, веселились и пировали, напиваясь допьяна²⁵.

При переходе на русскую сторону императорские представители предъявили грамоты на имя московского государя, после чего их передали встречавшим, как сказано у Да Колло, двух посланцев с тридцатью шестью людьми их окружения, а также сорок две лошади, сундуки, кровати и повозки, причём истребовали от принимающей стороны, то есть от русских властей, специальную расписку в получении имущества с обязательством всё вернуть сполна без какого-либо ущерба. И такая расписка с обязательством была выправлена сатрапом и скреплена печатью герцога, то есть князя, Бориса Ивановича Горбатого²⁶, капитана, то есть смоленского наместника великого князя Василия, «Божьей милостью императора (то есть царя) и государя всея Руси» (*l'Illustre Duca Boris Garbati Innouich Capitano del gran Sig. Basilio per Dio gratia, Imperator, et Signor di tutta la Russia...*).

Правда, что касается всего состава посольства, то данные отечественных источников иные, в них указано двадцать шесть человек и двадцать пять лошадей, говорится также о девяти литовских слугах²⁷.

Третьего июля польский и литовский конвой посольства был отпущен, его теперь сопровождал со своими людьми облачённый в золотую одежду пристав Андрей (*vn'Andrea vestito di vestimenti d'oro*), известный по русским документам как Андрей Кулешин²⁸. Именно с ним посольство перешло на территорию Московии. Чтобы указать географическое положение этой страны, Да Колло пишет, что если двигаться к ней от Кракова, то, помимо Польши, будет по правую сторону Молдавия, или Малая Валахия, расположенная за Красной Русью (*Russia Rossa*), а также страна крымских татар, по левую же – Нижняя Мазовия (*Matouia – sic!*), Самогития, Ливония, Курляндия²⁹. Здесь, в московитских пределах, их встретил уже упомянутый смоленский наместник князь Борис Иванович

²⁴ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 14v-15r.

²⁵ "...passarono dall'vna all'altra parte reciprocamente Moscouiti, et Polachi, et Lituani, trattando amicheuolmente insieme, godendosi et riceandosi fin'alla vbriachezza..." (Ibid. P. 15rv).

²⁶ "... hauendogli dimostrato le lettere nostre drizzate al suo Prencipe, il prefato Marchese de Moiloua se gli presentò, con dirgli, ecco che in nome del Rè io ui consegno due Oratori con trenta sei familiari suoi, et quaranta due Caualli, facendo espressa, et particular mentione delli cassi, de' letti, et de' Carri, che con noi haueuamo de' quali in nome del Prencipe Vostro douete farmi la riceuuta, con obligo di farne di essi à tempo debito, et sempremai l'integral restitution con ogni buona fede, et senza diminutione di alcuna cosa; cosi essendo stato il predetto Satrapa à ritrouar il sopranominato Signor Duca Boris Garbati, portò la carta di riceuere sigillata con l'obligo della restitutione ricercata..." (Ibid. P. 15r).

²⁷ Памятники дипломатических сношений... 1851. Т. I. Стлб. 340.

²⁸ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 15r; Памятники дипломатических сношений... 339.

²⁹ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 15r.

Горбатый, сопровождаемый шестью тысячами всадников³⁰. Далее следуют церемонии: князь даёт посольским поцеловать руку, спрашивает об их состоянии и здоровье, обнимает их и отводит в свой шатёр, где угощает обедом и даёт выпить медовуху (*dandoci à bere il Meduno*), знаменитый напиток, изготовленный из мёда, земляники и других плодов, цветом и вкусом, как вино; однако, тут же добавляет Да Колло, никто не может её готовить, если ему не разрешит государь, а равно и потреблять³¹. Так с первых же шагов в Московии начинается знакомство Да Колло и всей делегации со страной, не только с дипломатическими обычаями, но и с её устоями и повседневной жизнью.

Ещё несколько дней посольство провело в дороге, останавливаясь на ночлег в лесах и продвигаясь по деревянным настилам, устроенным в болотах (*per strade di legno sopra le paludi fabricate*), пока шестого июля не достигло Смоленска, прежде находившегося в литовских владениях, поясняет Да Колло, а затем силой захваченного москвитями; из-за него-то между ними и литовцами продолжается война. Город окружён стенами из дерева, столь хорошо обработанного и пригнанного, что заслуживает имени твердыни (*che meritano nome di forte*); кроме того, с одной стороны их окружают болота, с другой – «большая река Борисфен» (=Днепр)³². Затем на лодке (*montati in barca*) посольство добралось до Дорогобужа, города³³, как уточняется, в Белой Руси (*Ruscia Bianca*), «величиной и укреплениями не меньшего, чем Смоленск». 27 мая посольство отправилось дальше и достигло «княжеского двора» (*Corte ducale*), в котором проживало тысячу человек, а после – не указанного по имени некоего большого города, открытого, расположенного среди болот (*arriuammo ad una Terra grande, ed aperta, posta nei paludi*). После него, проследовав ещё два «княжеских двора», находившихся в лесах, посольство добралось до «Можайска, города³⁴, не имеющего стен, большого и богатого, с цитаделью из дерева, хорошо защищённой; в нём посланников отвели в церковь Св. Николая, который из-за многих чудес, им совершенных, там весьма почитается»³⁵. Да Колло действительно зафиксировал культ Св. Николая Можайского.

³⁰ По мнению О. Симчич, цифра конного сопровождения сильно преувеличена и, вероятнее всего, реально было около шестисот всадников (Симчич 1996: 40. Примеч. 68).

³¹ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 15v.

³² Ibid. P. 15v-16r.

³³ В работе О. Симчич (Симчич 1996: 24) этот город неверно идентифицирован с Дрогобычем.

³⁴ О. Симчич (Симчич 1996: 24) переводит слово «Терра» буквально как «земля», хотя по контексту видно, что в данном и других случаях «Terra» обозначает город. См. то же значение слова «Terra» в текстах Барбаро и Контарини: (Скржинская 1971: 118, 142 и в др. местах). См. там же: Предметно-терминологический указатель С. 272 – «terra di Moscovia».

³⁵ «...in Moxaisco, Terra, quantunque senza muraglia, grande, et grassa, con una Rocca di legno, molto forte, nella qual fummo condotti alla Chiesa di San Niccolò, che per la frequenza de miracoli per lui fatti, è iui in grandissima veneratione» (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 16r).

Встреча посольства в Москве и его размещение

После ночёвки на ещё одном «государевом дворе» (*vn'altra corte del prencipe*) на следующий день вся посольская компания приблизилась, наконец, к Москве (*alla Città di Moscouia*). Их встречала знатная делегация: господа герцог (то есть князь) Иван Иванович Ярославский (*l'Illustrissimo Sig. Duca Giouanni Iuanouich Ioroslaiensi*), которому через несколько лет предстоит править посольство к императору³⁶, и Иван Юрьевич Поджогин (*il Sig. Giouanni Iargouich podzoi*) – их Да Колло называет, как вслед за ним Герберштейн, большими людьми, или лицами (*grande presso la sua Maestà, gran personaggio presso di se [Prencipe]*)³⁷, и «одними из высших советников» (*de' supremi Consigieri*); упомянут также «господин пристав Фёдор Борисович» (*il Sig. Theodoro Borisouich deputato*), среди встречавших находились и те самые московитские послы, которые были спутниками императорских дипломатов, но за несколько дней до этого покинули своих коллег, чтобы затем встретить их у Москвы вместе с большой конной свитой – по прикидке Да Колло, было более тысячи лошадей³⁸.

Состоялась церемония встречи. Приветственную речь начал пристав Фёдор Борисович, когда спешили и приехавшие, и встречавшие. Перелагал его слова на латынь Истома (*Istoma interprete*), вместе с русскими послами вернувшийся от императора³⁹; с ним был ещё один переводчик Влас (*Biasio*), известный не только участием в дипломатических миссиях, но и помощью Максиму Греку в переложении церковных текстов⁴⁰. От имени императорских посланцев с ответной речью выступил Да Колло. Иноземным гостям по обычаю каждому предоставили лошадь с золотой сбруей, на них они сели и направились в город, где на улицах их ожидало множество народа, облачённого в придворные одежды (*per le strade staua una quantita innumerabile di populo, vestito di vestimenti della Corte*). Разместили гостей в двух больших дворах, изготовленных, как принято в этой стране (*ad vso del paese*), из дерева и наказали ни под каким предлогом не выпускать за пределы помещений ни одного из литовцев, находившихся у них на службе, ибо такова воля государя. Затем императорских посланцев навестили многие советники и знатные люди двора (*molti Consiglieri, et nobili, della Corte*), надо полагать бояре, чтобы сообщить о назначенном на завтра приёме у государя.

³⁶ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio* // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей - О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 143–203.

³⁷ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 16r. Ср. пояснение Герберштейна: «Они потому прибегают к титулу «большой человек» (*magnus homo, grosser man*), что это определение «большой» прилагается ко всем важным особам» (Герберштейн С. *Записки о Московии*. М., 2008. Т. I. С. 523–525). См. также: (Симич: 41. Примеч. 72).

³⁸ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 16r.

³⁹ Об толмаче Истоме см.: Герберштейн С. *Записки о Московии*. Т. I. С. 508–515; Т. II. С. 461. Примеч. 857, а также Гамель 1865: 162–164).

⁴⁰ См. подробнее о Владе Игнатъеве: (Гамель 1865: 172, 173; Соболевский 1903: 184–189; Зимин 1972: 323, 324; Сеницына 1977: 62–64; Россия в первой половине XVI в. 1997: 206. Прим. 8).

На следующий день утром к ним явились три знатных господина и предупредили, что после публичного приёма послов им предстоит частная аудиенция, на которой будут обсуждены секретные вопросы (*le cose secrete*) с несколькими советниками⁴¹.

Дипломатические приёмы и переговоры

Вскоре после этого визита к императорским посланцам явились всё те же князь Иван Иванович Ярославский и Иван Юрьевич Поджогин во главе ста и более знатных людей двора, чтобы сопроводить гостей пред очи государя; с обеих сторон улиц, по которым они ехали, находились «люди отлично и единообразно одетые в придворных нарядах из казны государя, расшитых золотом и шёлком – предивное, чудесное зрелище»⁴². Да Колло, немало повидавший на своём веку и в дипломатических миссиях, тем не менее был поражён и восхищён тем, что предстало его взору в Москве.

Поблизости от крепости, то есть Кремля, к послам и их сопровождению с полагающимися приветствиями выступила новая группа во главе с неким сатрапом (*con un Satrapa*), а у ворот дворца – ещё одна «чудесно одетая и украшенная» (*mirabilmente uestita, et addobata*) группа, глава которой, в свою очередь, произнес церемониальное приветствие, то же самое было у первых дверей дворца – опять гостей встречала с соответствующими речами группа роскошно одетых придворных, затем – у вторых, но когда делегация подошла к третьим, за которыми находился государь, ей навстречу вышла следующая группа богато одетых людей, и её начальник спросил пришедших, кто они? На что получил ответ: посланцы Императорского Величества. Был задан ещё вопрос: что им угодно? Они ответили: явиться к Светлейшему Государю. Тогда стоящий у дверей громким голосом возвестил: «Посланцы Максимилиана, избранного Римского Императора, просят разрешения войти к великому Государю». И мы слышали, свидетельствует Да Колло, как сам государь на своём русском языке (*in lingua sua Ruthena*) сказал: «Пусть войдут посланцы Брата нашего Дражайшего Максимилиана, избранного Римского Императора и верховного Короля»⁴³.

Далее Да Колло даёт подробное описание российского государя, его окружения и сложных дворцовых церемоний. Войдя в залу, сообщает Да Колло, они увидели «Светлейшего Государя сидящим на Величественном Троне, облачённым в золотые одежды с серебряными [вышитыми] цветами, в белом головном уборе, вокруг него сидели советники и князья его, и среди них два маленьких сына царя Казанских татар (*due figliuoli giounni dell'Imperator de Tartari di*

⁴¹ Da Collo Fr., 1603. P. *Trattamento di pace*. 17v-18r.

⁴² "...genti vestite egregiamente, et uniformemente con vesti della corte, ò dell'errario d'esso Principe, d'oro e di seta cosa di gran marauiglia, et d'vn singolare spettacolo" (Ibid. P. 18r).

⁴³ Ibid. P. 18rv.

Casania), которые были взяты в плен и обращены в христианскую веру». Ещё у дверей, при входе императорские посланцы почтительно поклонились, приглашённые следовать дальше, на середине зала они снова поприветствовали поклоном государя и находившихся по обе стороны от него, затем им был сделан знак пройти к специально приготовленному для них сидению, устроенному напротив государя. После небольшого перерыва, который Да Колло называет отдыхом (*doppo un poco di riposo*), через переводчика им предложили говорить⁴⁴.

С пространной речью выступил Да Колло. Начал он с главного, с того, что его господин, император, стремится к установлению мира и согласия (*di indurre pace e concordia*) между московским государем и королём польским, и это будет на пользу и к выгоде той и другой стороны и пойдет на благо «общему христианскому делу» (*il beneficio commune della Christiana Republica*). Он напомнил, что этой же цели была посвящена накануне, в 1517 г., состоявшаяся миссия в Москву Сигизмунда Герберштейна⁴⁵, советника и посланца Его Императорского Величества (*Sigismondo Herberstain consigliere et oratore di Sua Cesarea Maestà*).

Едва Да Колло начал говорить, произошёл серьёзный дипломатический инцидент, который, впрочем, разрешился благополучно. Дело в том, что императорский посланец, нарушая принятые обычаи, пропустил полагающиеся приветствия своего императора; не услышав их, русский государь разгневанно поднялся и спросил, где же приветствия его дражайшего брата Максимилиана (*egli si leuò in piedi, et quasi con isdegno ci disse, doue sono le salutationi del fratel nostro Carissimo Massimiliano, eletto imperator de' Romani, et supremo Re*); узнав, что они будут сказаны в своё время, ниже, он успокоился и занял своё место. Когда было произнесено имя Максимилиана, российский государь снял головной убор (*cauata la bereta di testa*), когда же дошло до приветствий императора, он приказал оратору замолчать и, опять сняв головной убор, спустился по ступеням с трона, протянул руку посланцам императора как его представителям и спросил о здоровье брата своего и на это получил ответ, что в момент отбытия посольства тот был здоров. После чего Да Колло разрешено было продолжать свою речь⁴⁶.

Далее он в деталях стал описывать нависшую над христианским миром опасность в лице повелителя турок-османов султана Селима, его победы на суше и на море, покорение Греции с перечислением всех её частей, государственных образований Балканского полуострова, «Европейской Сарматии» (отдельно упоминаются Каффа и Меотийские болота, или Азовское море), Малой Азии и её провинций, «части Скифии, сиречь Тартарии», захват Константинополя, Трапезунда, многочисленных территорий на Ближнем и Среднем Востоке,

⁴⁴ Ibid. P. 18v-19r.

⁴⁵ См. о миссии Герберштейна 1517 г.: (Хорошкевич 2008: 65, 88 и в др. местах).

⁴⁶ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 22v. См. также: (Симич 1996: 26).

а также в Северной Африке; более того, под его властью оказались четыре патриарших престола – Антиохийский, Александрийский, Иерусалимский и Константинопольский – семь азиатских церквей, к коим писал апостол Иоанн, а также «гробница Давида и – о чём ужаснее и неприятнее всего говорить – гробница Христа, Искупителя нашего (il Sepolcro di Christo Redentor nostro), вместе с Вифлеемом, Назаретом, горой Синай и другими местами таинства страстей этого нашего Спасителя». Итожа перечень османских завоеваний, Да Колло заключал: вот, чтобы спастись от «вечного врага христианской веры» и сохранить то немного, что осталось от Европы (di questo poco restante d'Europa), нужно добиться согласия и союза христиан (Concordia, et vnion de' Christiani). Ибо ни один из христианских государей не в состоянии противостоять столь сильному противнику. Призывом прекратить войну между христианами, забыть взаимные обиды и направить оружие на общую борьбу с врагами Христовыми заканчивается речь Да Колло⁴⁷, а с нею вместе парадная, открытая часть переговоров.

Затем государь повелел перевести посланцев императора в другое помещение, куда явились также их русские коллеги, названные поименно: Григорий Федорович, Георгий Дмитриевич, как сказано, казначей (Thesoriero), уже известный Иван Юрьевич Поджогин – все они представлены как «главные советники» (consiglieri supremi); кроме них были Григорий Манцой и господин Труффа «главные секретари» (il Sig. Gregorio Manzoi, et il Sig. Truffa secretari supremi), то есть дьяки⁴⁸.

Начались переговоры, долгие, тяжёлые, изнурительные, прерываемые пирами, впрочем, не менее обременительными для послов, и охотой. Происходил не только устный обмен мнениями и предложениями, вручались и памятные записки, как замечал Да Колло, «для более зрелого обдумывания (per più matura consideratione)» аргументов, с которыми выступали стороны. Московские представители хотели видеть конкретные мирные условия, которые учитывали бы их интересы; посланцы императора настаивали на том, чтобы прежде частных вопросов добиться от российского государя согласия на заключение мирного соглашения с королем Польским⁴⁹.

«Пьянство стало нашим спасением»: московитское застолье

По ходу переговоров гости были приглашены на обед к российскому государю. Да Колло описывает это мероприятие довольно подробно. Его с товарищем посадили за столом, ближайшим к государю; на некотором удалении от государя

⁴⁷ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 19r-22v.

⁴⁸ Ibid. P. 22v.

⁴⁹ "...noi respondemmo di non poter uenir à secreto, nè à particular alcuno de articoli della pace, se prima non habbiamo dall'istesso serenissimo prencipe l'intentione, et disposition sua alla pace, et spettarsi alla Serenità sua il dichiarare se uuole, o se intende di hauer pace col Sereniss. Re di Polonia, et medesimamente sotto quali conditioni voglia, o intenda di hauere essa pace" (Ibid. P. 23v).

за его же столом располагались советники и важные персоны числом около двадцати (*li suoi Consiglieri, et grandi intorno a XX*); за столом посланников напротив Да Колло – князь Иван (*il Sig. Duca Giouani*), по-видимому, Иван Иванович Ярославский, с коллегами, а за посланниками – их слуги (*li nostri famigliari*), однако не было литовцев, коим запрещалось покидать их жилище.

Внимание Да Колло привлёк находящийся в центре зала высокий до потолка поставец (*credentiera*) со множеством серебряных ваз и приборов большой ценности, по-видимому, служивший демонстрации богатства и роскоши русского государя. То же впечатление должно было производить и само пиршественное действо, организованное и обставленное с претензией на великолепие.

На пиру государь лично разрезал хлеба, посылая их с полагающимися словами участникам пира, угощали мёдом, который подавался как напиток. Причём всякий раз, когда императорским посланцам посылали и доставляли кушанья от государя, все должны были подниматься на ноги, снимать головные уборы и стоять так, пока гости принимали эти кушанья, коих было великое множество, на серебряной посуде, и разносились они людьми в золотых одеждах. В конце обеда князь встал и предложил выпить в честь «дражайшего нашего брата Максимилиана мёда из бокала в форме ладьи» (*vn bichiero di Medone in forma di naue*); осушив его, государь велел наполнить его снова и подносить каждому посланцу, и надлежало пить, даже если не было желанья и аппетита, хотя этот напиток, признается Да Колло, «в частности мне был неприятен» (*quantunque questa beuanda à me in particolare fosse molesta*).

После застолья вернувшись домой, посланцы императора нашли у себя накрытый по распоряжению великого князя стол с вазами и посудой из серебра. Уже известный нам пристав Федор Борисович через переводчика довёл до их сведения пожелание государя, чтобы они (названы поимённо Франческо и Антонио) продолжали радоваться и веселиться после того, как «повидали нас и предстали пред нашими очами», для чего им были посланы ранее их принимавшие «родственник наш князь Иван Иванович [Ярославский] и советник Иван Юрьевич [Поджогин]». Таким образом княжеский пир имел продолжение, императорским посланцам надо было снова садиться за стол (*ci fu bisogno di nouo seder à tauola et compir tutta la giornata in bere*). Помогло им неожиданное обстоятельство. Они увидели, что москвичи напились допьяна, и в этом было спасение западных дипломатов, ибо те, будучи совершенно пьяными, не в состоянии были понуждать своих европейских коллег пить, что им надлежало бы делать. По остроумному предположению исследователей, подобные попойки могли устраиваться в надежде на то, что в нетрезвом состоянии послы могли проговориться и выдать важные секреты; отчего и говорилось «поить посла» (Ключевский 2023: 40; Симич 1996: 27).

Впоследствии, пишет Да Колло, дважды в день их приветствовали и посещали от имени великого князя различные советники, и непременно участниками этих встреч были пристав с переводчиком. На первое августа императорские

посланцы были приглашены к государю, который накануне прислал им от своего стола осетров, пирогов и другой снеди, а также четыре кувшина разнообразных медов. В назначенный день императорских представителей сопровождали к великому князю для приветствий, после чего их отвели в другое место дворца, где их ожидали четверо из главных советников и два секретаря, то есть дьяка, и у всех в руках была бумага с инструкциями и каждый выступал, строго следуя принятым правилам, всякий раз указывая перечень всех полагающихся титулов. Началось рассмотрение вопросов, связанных с заключением мирного соглашения, возможно, первое предметное обсуждение проблемы. Дискуссия, судя по всему, шла трудно и долго, Да Колло – что примечательно – даже указывает её продолжительность – непрерывных пять часов (*per cinque hore continue*). По предложению императорских представителей, московские участники переговоров согласились письменно изложить свои позицию и предложения. Соответствующую записку они передали своим западным коллегам уже вечером⁵⁰. Своим содержанием она близко напоминала речь, с которой выступил Да Колло перед российским государем: те же ссылки на турецкую угрозу, на захваты султана Селима в Европе, Азии и Африке, на подчинение османам христианских церквей Востока, те же призывы к совместным действиям (*general speditione*) христианских государей против опасных захватчиков и в этой связи признание необходимости великому князю Московскому замирииться с королём Польским; но одновременно русские дипломаты указали на препятствия к такому примирению, сославшись в частности на неготовность к нему польской стороны (*ma quella pace non seguita all'hora, non per mancamento nostra, ma per mancamento della parte di esso Re*), которой следовало бы прислать представителей для переговоров, и подняв вопрос о древнерусском наследстве, частично оказавшемся под властью польского короля: речь идёт о «русских городах, являющихся, как настаивали московиты, нашим родовым достоянием» (*tenendo sotto di se [Re Sigismondo] ingiustamente quelle Città della Russia patrimonio nostro*)⁵¹. Ещё одним камнем преткновения между Россией и польско-литовской унией были «обиды», чинимые сестре великого князя королеве (вдове польского короля Александра) и великой княгине Елене (*ingiuste cause siano state fatte alla sorella nostra Regina, et gran Duchessa Helena*)⁵², о которых часто упоминается в русских дипломатических документах⁵³.

Значительное время прошло в безрезультатных переговорах, и Да Колло объявил, что готовится к отъезду, не без лукавства объясняя своё намерение тем, что здесь, в Москве, он тратит время попусту (*infruttuosamente*), без какой-либо выгоды и чести для своего государя, вернувшись к которому, он смог

⁵⁰ Ibid. P. 25rv.

⁵¹ Ibid. P. 25v-27v.

⁵² Ibid. P. 27v и в других местах.

⁵³ Дочь Ивана III и сестра Василия III была выдана замуж в 1495 г. за великого князя Александра, позже ставшего королем. См.: (Соловьев 1989: 97 и далее).

бы с большей пользой служить ему; и эти слова императорского посланца задели российского правителя (*le quali mie parole potero forse operar alcuna cosa nell'animo di esse Prencipe*), так что к Да Колло в покои были направлены три соверника и два секретаря, дабы выяснить серьёзность его намерений. В итоге было решено направить к императору прикомандированного к посольству гонца Джованни делла Торре, чтобы донести ему о переговорах и, как надеялись в Москве, об «обидах» (*l'ingiurie*), которые русский правитель терпит от польского. С тем 14 августа и уехал Делла Торре, получивший от российского государя в качестве подарков дорогую одежду, соболей, горностаев и золотые монеты⁵⁴.

Великокняжеская охота

Особым знаком внимания в отношении императорских посланцев было их приглашение на великокняжескую охоту. Похоже, звали их не раз⁵⁵. Да Колло описал охоту с собаками и соколами, состоявшуюся, как сказано, четвёртого декабря (*A 4 di Decembre*). Похоже, в дате ошибка, и, поправляя её, О. Симчич обоснованно указывает четвёртое сентября (Симчич 1996: 27)⁵⁶. Как бы то ни было, описанная Да Колло охота представляла собой, по-видимому, очень зрелищное действо. За посланцами императора явились все те же Иван Иванович Ярославский, Иван Юрьевич Поджогин с приставами и тремьятами (!) конными дворянами. Охотились на расстоянии мили от города, в красивом лесочке посреди больших открытых лугов при участии двух тысяч всадников, разбитых на отряды, были также двести пеших с двумястами отборными собаками большой величины и красоты и еще всадники с двумястами соколами разных пород, кречетами и иными ловчими птицами по преимуществу белого цвета. Сам великий князь на белом коне, облаченный в белое бархатное одеяние с золотыми вышивками, руководил охотой; он поприветствовал императорских посланцев рукопожатием и пожаловал им по собаке. По приказу государя были спущены в лес гончие псы, и из него стали выбегать зайцы и лисицы в таком множестве, что борзые поначалу были в замешательстве, кого им преследовать и хватать; за час (*doppo lo spatio d'un hora*) – считает нужным уточнить Да Колло – было добыто восемьдесят зайцев и лисиц; этот этап охоты был завершён, и Да Колло получил от великого князя в подарок ещё одну собаку, которую императорский посланец похвалил за её охотничьи качества. Не довольствуясь этой потехой, государь повелел всем скакать в другое место с ручьями, болотцами, прудами,

⁵⁴ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 33r-35r.

⁵⁵ Ibid. P. 35v-36r.

⁵⁶ Да Колло рассказывает, в частности, о соколиной охоте на перелетных птиц (см. ниже), для которой начало декабря – время невозможное, ибо эти птицы давно должны были покинуть пределы Центральной России и улететь на юг.

«искусно сделанными и устроенными (*artificiosamente fabricati, et ordinati*)», где было изобилие уток, гусей, журавлей и цапель. Великому князю доставляло большое удовольствие из своих рук выпускать соколов и кречетов и наблюдать, как они бьют в небе журавлей и других птиц; на сей раз добыча составила более семидесяти уток.

«Послы, словно пленники»: откровенный разговор с российским государем?

По завершении охоты все направились в усадьбу государя (*ad una corte*), мастерски устроенную с дворцами из дерева, очень красивыми, садами и лужайками. Здесь, по-видимому, в одном из дворцов было установлено позолоченное кресло (*cathedra dorata*) со скамейкой для ног, а также сидения, покрытые коврами. Кресло занял государь, с одной стороны от него разместились восемнадцать советников, главными среди них были упомянутые уже юные сыновья хана (*dell'Imperator*) казанских татар, с другой – посланцы императора с князем Иваном Ивановичем и другими лицами из их сопровождения (*et altri nostri conduttori*), а за ними около трёхсот разных представителей знати и егеря. Угощали дынями, яблоками и другими яствами, а также медами, коих было в изобилии. Сам государь через своих слуг посылал то одному, то другому из присутствовавших угощения, называя каждого по имени, что должно было удивить Да Колло, ибо их всего насчитывалась добрая тысяча человек (*nominando ben mille co'l proprio nome*).

Ему и его коллеге, то есть Антонио де Конти, пишет Да Колло, тоже приходили эти дары от государя; конечно же, полагалось много пить, о чём их просили, в особенности когда провозглашались тосты за императора⁵⁷.

В этой обстановке веселья и праздника российский правитель решил побеседовать с Да Колло и спросил его о том, что он может сказать – нет, не об охоте и как она организована, – а о его собственном могуществе и его государстве (*della grandezza sua, et del suo stato*). Дипломат тут же нашёлся и ловко повернул разговор в выгодном для себя направлении; он сумел польстить державному собеседнику и спровоцировать нужную для себя его реакцию: как бы между прочим он заметил, что многие государи даже вместе не смогли бы устроить столь прекрасную и грандиозную охоту, что же касается могущества российского государя и его державы, то о них он никакими сведениями не располагает, а равно не сможет удовлетворить любознательности своего императора, просившего его разузнать о реке Танаис и о Рифейских горах, поскольку с самого начала ему было воспрещено с кем-либо общаться. Впрочем, говорит далее Да Колло, продолжая провоцировать своего собеседника, он считает

⁵⁷ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 36r-37v.

российского государя очень могущественным, «хотя в чём именно заключается это могущество, он не может сказать из-за некоего препятствия, или затруднения (*per un certo mancamento*), о котором и говорить-то мне нельзя», замечает Да Колло, ещё больше повышая градус интереса собеседника.

Слова Да Колло попали в цель. Василий III, желая узнать, о каком таком препятствии или затруднении идёт речь, стал всячески просить императорского посла объяснить ему это и обещал, что его слова не будут иметь дурных последствий, поэтому пусть посол говорит обо всём открыто (*io douesi dir il tutto liberamente*). И вот тогда, пишет Да Колло, он сказал: «...что же я могу рассказать или сообщить о великости вашего государства или о Вашем могуществе и достоинстве, если мы, посланцы Вашего Брата императора Максимилиана, отправленные к великому государю Василию, императору и повелителю всея Руси и многих царств, едва прибыв, были взяты под охрану, словно пленники, и было запрещено нам общение, как если бы мы были посланы врагом».

Но этого мало; Да Колло ещё больше подзуживает великого князя, заметив: «...если бы меня попросили поведать о государе татар и о его государстве, то я мог бы сказать кое-что, потому что я находился в его царстве недолго как человек свободный; так же я мог бы рассказать о султани Вавилонии, о Французском королевстве, Испанском, Английском и многих других, где я бывал, проживая в них свободно. Но что же я могу сообщить о государстве Вашей Светлости, где я нахожусь, как пленник?»⁵⁸. Василию III ничего не оставалось, как улыбнуться и, обращаясь к своим советникам, признаться, что Франческо – он назвал императорского посла по имени – заслужил его доверие, поскольку он, дескать, тот человек, который превознесет его имя, увидев и изведав многое, посему государь повелел посвятить императорского посланца в секреты и внутреннюю жизнь его государства (*i secreti, et l'intimo dello stato nostro*), разрешить свободное посещение различных частей страны и городов, встречаться с любыми людьми откуда бы то ни было, более того «приказал призвать каких-то своих людей с Волги и из других мест, хорошо знающих разные области», дабы они дали Да Колло нужные ему сведения о разных вещах и, в свою очередь, получили информацию от него.

Да Колло упоминает, что ему удалось всё-таки побывать в разных частях страны (*con essermi transferito in diuerse parti*), однако, в каких именно, почему-то не уточняет. Приходили к нему также разные люди, надо полагать, исполняя повеление государя, называет же он только Николая Любекского, или Булева, «прославленного врача, весьма сведущего в разных науках, в особенности же в космографии и астрологии», и Угрина Базеровича, «человека универсального

⁵⁸ Ibid. P. 37v-38v. См. также: Симич 1996: 28, 29.

(sic!) и очень опытного», которые, по признанию Да Колло, просветили его настолько, что относительно новых и неизвестных вещей он стал в достаточной мере осведомлён⁵⁹.

В только что приведённых сообщениях некоторые обстоятельства заставляют обратить на себя пристальное внимание. Удивительно, что российского человека, жителя далёкой и, по понятиям европейцев того времени, варварской страны, Утрина Базеровича, Да Колло определяет так, как могли характеризоваться величайшие представители ренессансной эпохи – вроде Леона Баттиста Альберти, Джованни Пико делла Мирандола, Леонардо да Винчи, которые как бы воплощали собой идеал универсального, или всесовершенного, человека (*l'uomo universale*), разрабатываемый в гуманистической мысли и культуре Возрождения⁶⁰. Конечно, Угрин Базерович при всей полноте и широте своих практических знаний о русской стране не мог сравниться по разносторонности дарований, научных интересов и свершений с наиболее значительными деятелями ренессансной культуры. Но уже то, что Да Колло применяет к нему такую же характеристику, какую использовали и для них, говорит о том, что этот представитель далёкого от просвещённой Европы русского мира какими-то своими интеллектуальными качествами вызывал уважение габсбургского дипломата, приверженного, вне всякого сомнения, ценностям своей культуры и цивилизации.

Возникает ещё один и вполне законный вопрос: в какой мере можно полагаться на верность и точность пересказанной Да Колло его беседы с российским государем? Ведь, само собой разумеется, её протокольной записи он не вёл и общался о ней, если всё же допустить, что такая беседа между ними действительно состоялась, опираясь на свою память. Впрочем, зададим вопрос и себе: что заставляет нас сомневаться в правдивости рассказа Да Колло? Есть ли для этого серьезные основания? Имеются. И речь идёт не о каких-то невольных и вполне объяснимых ошибках или недоразумениях, но о несомненной и откровенной мистификации, проще говоря – лжи. Вспомним, попрекая Василия III тем, что живёт он в Московии поднадзорно, как пленник, императорский посланец утверждает, будто он находился у татар и был свободен, что на таком же положении он был у султана Вавилонии (имелся в виду Египет), во Франции, Англии, Испании⁶¹. Во Франции он действительно был с миссией к королю Франциску Ангулемскому и в Испанию он тоже наведывался, однако уже после возвращения из Москвы. А вот его визиты к татарам, к султану Вавилонии/Египта – явная выдумка, не был он в этих странах ни «как свободный» (*come libero*), ни

⁵⁹ "... con l'esser uenuti à me diuersi, tra quali un maestro Nocolò Lubecense medico celeberrimo, et in diuerse scientie, et particolarmente nella Cosmographia, et Astrologia peritissimo, et vgrino Bazerouich huomo uniuersale, et de gran pratica, del quale io farò mentione à suo loco, et tempo, restai di molte cose noue et incognite basteuolmente instrutto..." (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 38v).

⁶⁰ См. подробнее: (Гарэн 1986: 137, 236 и в др. местах; Ревякина 2000: 129–145; Кудрявцев 2008: 287–302).

⁶¹ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 38r.

в каком-то другом качестве. Эта ложь бросает тень подозрения на всё то, что он рассказал о беседе с великим князем Московским. Такая беседа вполне могла состояться, ничего невозможного в том, что российский государь переговорил с представителем императора после охоты на досуге, нет. Но нельзя не заметить, что Да Колло представил себя в самом привлекательном свете – он и опытный, ловкий дипломат, который сумел загнать державного собеседника в подготовленную им ловушку и приобрести существенные выгоды для себя в виде свободы передвижения по стране и общения, и в то же время – прямодушный, если не дерзкий обличитель деспотии российского государя, не терпящего никакой свободы, даже дипломата, приехавшего к нему с важной миссией от императора. Обе роли характеризовали Да Колло с самых выгодных сторон, кто бы ни был читателем его труда – чиновные лица, которым доступны документы императорской канцелярии, или же все, кого на Западе интересовали космографические описания – в том случае, если бы этот труд пожелал напечатать сам ли автор или кто-то другой. Кстати заметить, любой читатель должен был догадаться, что за государство посещает Да Колло уже с самого начала, когда он повествует, как вступает на московскую территорию и его встречает местный чиновник-администратор, которого Да Колло называет сатрапом (*un certo Satrapa*)⁶², а так именovali царских наместников в восточных деспотиях античные авторы. То есть получается, что Да Колло не только переиграл российского государя на дипломатическом уровне, но и заставил косвенным образом признать ущербность установленных в его государстве порядков, направленных на решительное ограничение свободы, поскольку Василию III под влиянием доводов Да Колло пришлось их в отношении хотя бы него отменить. Теперь, после сказанного задумаемся вот о чём: мог ли Да Колло по своему почину вести речи, очевидно порочащие российского государя и его страну? Как частное лицо теоретически, конечно, мог, если бы его удостоили в этом качестве аудиенции на высшем уровне. Но Да Колло состоял на службе у своего императора и получил от него чёткие инструкции, о чём вести речь и чего добиваться. В этом случае какая бы то ни было самодеятельность дипломатического представителя исключается. Ибо она может привести к полному провалу его столь важной для императора и всего христианского мира, столь дорогой, трудной и опасной для дипломатов их миссии в далекую Московию. Да Колло – и это очевидно – знал, в какую страну и к какому правителю он едет. С деспотом же – а именно таким воспринимал Василия III Да Колло – вести вольные речи, чтобы потешить своё самолюбие, продемонстрировав порочность политической системы, которую тот возглавляет, опасно, крайне опасно. Ведь реакция деспота на них непредсказуема, они могли дорого обойтись говорящему. Конечно, Да Колло не робкого десятка, раз он согласился возглавить долгое, тяжёлое, чреватое большими

⁶² Ibid. P. 14v.

испытаниями посольство. Поэтому нет никаких сомнений, что Да Колло готов был рисковать своей свободой и даже жизнью. Но мог ли он рисковать делом, которое доверил ему император?! Ведь если бы великий князь разгневался на Да Колло за его слова, то он – нет, ни в коем случае не казнил бы дерзкого отличителя российской деспотии и не бросил бы его в темницу, а скорее всего отправил бы восвояси с письмом к императору следующего содержания: дескать, «Брат мой возлюбленный», не тех людишек ты ко мне присылаешь для переговоров, или – выражаясь языком современных международно-правовых понятий – объявил бы его *persona non grata*. И с каким лицом Да Колло вернулся бы к императору? И чего ради он проделал этот нелёгкий долгий путь в пугающую, малопонятную, расположенную на крайнем северо-востоке страну Московию? Поэтому с большой долей вероятности следует заключить, что фантазией габсбургского дипломата являются не только его, якобы, миссии к татарам и султану Вавилонии, но и содержание всей беседы с российским государем, если только – повторимся – таковая имела место. Ибо разрешение путешествовать по стране и общаться с разными людьми помимо тех, которые предназначены были для ведения переговоров с императорскими посланцами, Да Колло мог получить от великого князя иным образом и даже скорее через своих русских партнёров.

Продолжение переговоров и банкетов. Отъезд послов

После охоты императорские посланцы с частью добычи и подаренными им псами в сопровождении большого числа всадников (Да Колло пишет о пятистах) вернулись в Москву. 14 сентября стало известно о вторжении большой массы татар во владения великого князя, навстречу которым выступило войско во главе с двумя его братьями, сам же он отправился «в свой город Волок» (в итальянском тексте читаем: «uerso Volha sua Città»⁶³; русские документы с определённой указывают Волок⁶⁴). Здесь же Да Колло упоминает о примечательном инциденте с посланниками хана казанских татар (*gli oratori dell'Imp. de Tartari di Casania*): они выразили недовольство полученными дарами, и им их обменяли «на другие, более дорогие и ценные, так что они уехали вполне удовлетворённые»⁶⁵.

Возобновились и переговоры с советниками великого князя по поводу русско-польского перемирия. Продолжались они всю осень и большую часть декабря 1518 г. Между тем к представителям императора вернулся их гонец Джованни делла Торре с посланием к ним от их господина, датированным июлем 1518 г.,

⁶³ Ibid. P. 38v.

⁶⁴ Памятники дипломатических сношений... Стлб. 411. См. также: Симчич 1996: 29.

⁶⁵ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 39r.

с тем же предписанием содействовать достижению перемирия, столь необходимого для организации совместного отпора османам. На что был получен ответ русской стороны.

Василий III вернулся в столицу из Волока 16 октября. Переговоры перемешались пирами, завершающимися далеко за полночь полным опьянением, если верить Да Колло, всех русских (*fino alla vbriachezza di cadauno di essi*)⁶⁶. После одного из таких веселых времяпрепровождений (*starsene allegri secondo il loro costume, rinouando il beuere*) на следующий день великий князь почтил своих гостей из Империи милостями и знаками внимания (*fauori, et gratie*), к таковым относилось в частности осуществлённое, надо полагать по их просьбе, «освобождение из-под стражи одного знатного человека, брата государевой жены (!) по имени Угрин, впавшего в немилость»⁶⁷. В рукописной версии говорится о «свояке князя» (*suo cognato*)⁶⁸. Исходя из сходства имен, предполагали, что этот Угрин, брат супруги великого князя Соломонии, идентичен с упомянутым Да Колло прежде Угрином Базеровичем, или Угрином Баграковым; хотя это предположение следует отвергнуть, ибо странно, что такое родство Да Колло никак не отметил⁶⁹. Впрочем, в русских документах сказано, что Да Колло ходатайствовал за опального по просьбе «магистра Ливонского», тогда как рукописная версия его труда гласит, будто об этом его просили русские советники, выполняя поручение «госпожи княгини»⁷⁰.

Достичь соглашения о перемирии мешал целый ряд спорных вопросов, с которыми пришлось иметь дело императорским посланцам. Так, великий князь настаивал на возвращении русских военнопленных (*la restitution de'prigionii*)⁷¹, а также русских городов и земель, его, как он утверждал, наследия, захваченных некогда Литвой и Польшей, которые «король Сигизмунд до сих пор держит за собой неправдой»⁷². Наконец, великий князь требовал признать Смоленск, незадолго перед тем, в 1514 г., взятый его войсками, российским владением и согласиться на включение его в пространный титул государя, тогда как поляки добивались, наоборот, его возвращения под власть короля⁷³.

После долгих и изнурительных переговоров осени – начала зимы 1518 г. императорским посланцам Франческо да Колло и Антонио де Конти удалось добиться кое-каких результатов, но они были гораздо меньше ожидавшихся. В итоге было достигнуто соглашение о перемирии между великим князем

⁶⁶ Ibid. P. 41v. Cp.: Ibid. P. 49r.

⁶⁷ "... in particolare la liberatione di vn gentil'huomo, fratello della moglie di esso Principe per nome Vgrino, che era caduto nella disgratia sua" (Ibid. P. 41v).

⁶⁸ Da Collo Fr., 1558. *Trattato Moscovitico*. P. 103r.

⁶⁹ См. в этой связи наблюдения: (Симич 1996: 30, 42. Примеч. 84).

⁷⁰ Памятники дипломатических сношений... Стлб. С. 433, 434; Da Collo Fr. 1558. *Trattato Moscovitico*. P. 103r.

⁷¹ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 11r, 35r, 42r и в др. местах.

⁷² "...le Città della Russia nostro patrimonio, le quali il Rè Sigismondo anco hoggidi ritiene sotto di se ingiustamente" (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 27v). См. также: Ibid. P. 31r, 34rv, 45r.

⁷³ Ibid. P. 10v, 11r, 47r.

Василием III и королём Сигизмундом I, однако не на пять лет, как предлагал император, или хотя бы на два-три года, чего добивались на месте уже его представители, а лишь на один год⁷⁴, до Рождества 1519 г.

Незадолго до отъезда, 29 декабря, посланцы императора были приглашены на обед к великому князю. Перед этим им преподнесли два дорогих шитых золотом и подбитых собольим мехом одеяния, в которые они по повелению российского государя должны были облачиться. За доблесть, как сказано в тексте, государь их почтил военными знаками отличия (*ornati delle insegne militari*)⁷⁵ и просил, чтобы и перед своим государем Максимилианом I они появились в этих же нарядах, которые бы свидетельствовали об их достойном поведении при дворе великого князя и заслуженной ими у него милости. Поэтому они были ещё одарены соболями, белками, горностаями, позолоченными кубками, а также лошадьми, санями, рыбами, медом и деньгами⁷⁶.

Сам обед проходил, как обычно, в роскошной обстановке. Гостей проводили вначале через зал, уставленный кушаньями, подаваемыми в позолоченной очень дорогой посуде, и ввели в другой зал, где тоже были накрыты большие столы и находился высокий почти до потолка поставец с позолоченными вазами и блюдами, слуги, облачённые в шитые золотые одеяния разносили угощения на золотой посуде; и длилось пиршество с десяти часов вечера до шести часов ночи, в завершении которого великий князь подозвал Франческо да Колло и Антонио де Конти к себе и предложил им выпить по полному кубку в честь его «дражайшего брата Максимилиана, избранного римского императора, верховного короля и великого государя». Затем вместе со всё тем же князем Иваном Ивановичем и другими обычными провожатыми они отправились в свои покои, и дорогу им освещало столь много факелов, что, казалось, было светлее, чем днём; дома же их ожидало продолжение банкета, ибо повелением великого князя у них были накрыты столы и им надо было опять пить в честь государя до полного опьянения всех⁷⁷.

В последний день месяца толмач Истома передал посланцам письмо Василия III к Максимилиану I, в котором подробно обсуждалась проблема перемирия с королем Сигизмундом I. Третьего января 1519 г. им был вручен ещё один документ на латинском и русском языках (*in lingua Ruthena, et Latina*) с изложением той же проблемы. Четвёртого января 1519 г. уже перед самым

⁷⁴ "... facemmo proposta di due, ouero di tre anni, et in fine fu concluso di anno vno" (Ibid. P. 46v). См. также: Ibid. P. 47v, 49r.

⁷⁵ О. Симич (Симич 1996: 30) не без основания видит в этом некий аналог европейского обряда посвящения в рыцари.

⁷⁶ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 47r.

⁷⁷ "... facemmo ritorno à gli alloggiamenti nostri accompagnandosi il Sig. Duca Giovanni, et altri soliti con molti nobili, et con così gran copia de lumi, che superar pareuan la chiarezza del giorno per meza lega continua, et quiui giunti, trouati apparate le mense per commandamento del Prencipe fummo astretti à sedere da bel nouo, et à tornar à bere in honor di esso prencipe sino ad una total vbriachezza di essi tutti" (Ibid. P. 48v-49r).

отъездом императорских посланцев им были пожалованы через казначея новые дары великого князя в дополнение к ранее упомянутым – серебряные вазы с позолотой.

Обратный путь описан Да Колло предельно лаконично: «мы [то есть императорские посланцы – О.К.] ехали той же дорогой, по которой ранее прибыли [в Москву – О.К.]». Возвращаясь домой, от короля Сигизмунда, принявшего их ласково, они узнали о смерти императора; выборы нового задержали их в Центральной Европе. Отчёт о московитском посольстве они давали правительственным чиновникам в Вене, а затем – в Инсбруке и на собрании князей, съехавшихся для избрания нового императора, наконец, самому новому императору Карлу V⁷⁸.

Об авторе:

Кудрявцев Олег Фёдорович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119991 Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект 27, корпус 4. ORCID: 0000-0002-6766-9505. E-mail: demetr22@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 94:327(436:470)"1518/1519"

Received: June 16, 2024

Accepted: August 15, 2024

Unsuccessful Peace-making: the Mission of Francesco da Collo and Antonio de Conti to Moscow (1518–1519)

 O.F. Kudriavtsev

[DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-155-182](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-155-182)

Moscow State Lomonosov University

⁷⁸ Ibid. P. 51r.

Abstract: This article explores the peace mission of Francesco da Collo and Antonio de Conti, envoys of Emperor Maximilian I of the Holy Roman Empire, to Grand Prince Vasiliy III of Moscow in 1518–1519. The mission aimed to mediate between Moscow and the Polish-Lithuanian Commonwealth, seeking to align both states for a planned united Christian campaign against the Ottoman Empire, whose expansion in Southeastern Europe posed a serious threat. The study centers on da Collo's report from the mission, which not only chronicles the negotiations but also provides rare insights into Russian diplomacy and courtly traditions of the early 16th century. The article underscores the critical role of ceremonial practices, such as receptions, banquets, and hunts, in the diplomatic culture of the period.

Particular focus is given to da Collo's accounts of his interactions with Vasiliy III and his entourage, highlighting the crucial importance of personal meetings and informal contacts in the diplomatic process of the time. Despite the envoys' efforts, the mission achieved only a temporary one-year truce, with insurmountable barriers to a comprehensive peace including territorial disputes—especially over the control of Smolensk—and the issue of repatriating Russian prisoners of war from Poland.

Furthermore, da Collo's report serves as an early illustration of how Muscovy was constructed as an eastern, despotic power, offering one of the first examples of Russia being depicted as the “Other” in early modern European thought. The study sheds light on the complex dynamics of diplomacy in this era and reveals how these interactions contributed to the broader European perception of Russia as an alien and adversarial state.

Keywords: Moscovia, Russia, Holy Roman Empire, Francesco da Collo, Vasiliy the 3rd, diplomatic negotiations, diplomatic ceremonial

About the author:

Oleg F. Kudriavtsev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Medieval History, Lomonosov Moscow State University. 27 Lomonosovskiy prospect (korpus 4), GSP-1, Moscow, Russia, 119991. ORCID: 0000-0002-6766-9505. Moscow. E-mail: demetr22@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Uebersberger H. 1906. *Oesterreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts*. Wien; Leipzig: W. Braumuller. 581 s. (In German)

Hamel I.H. 1865. Anglichane v Rossii v XVI - XVII stoletiyah [The Englishmen in Russia of the 16–17th Centuries]. *Prilozhenie k VIII tomy zapisok Imperatorskoy Akademii Nauk* [Supplement to the VIIIth Volume of the Records of the Emperor's Academy of Sciences]. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk. 179 p. (In Russian).

Garin E. 1986. *Problemi italianskogo Vosrozhdenia* [The Problems of the Italian Renaissance]. Moscow: “Progress”. 495 p. (In Russian).

Gralya I. 1992. Motivi “Orshanskogo triumfa” v yagellonskoy propagande [The Motives of the “Orsha's Triumph” in the Jagellonian Propaganda]. *Problemi russkoy istorii i kulturi feodalizma* [The Problems of the Russian History and Culture of the Feudalism]. Moscow, P. 46–50. (In Russian).

Zimin A.A. 1972. *Rossia na poroge Novogo vremeni (Ocherk politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI veka)* [Russia in the Beginning of the New Times (Essays of the Political History of Russia of the First Third of the 16th century)]. Moscow: “Nauka”. 452 p. (In Russian).

Karamsin N.M. 1842. *Istoria gosudarstva Rossiyskogo* [The History of the Russian State]. Book II. Vol. VII. Moscow: V tipografii Eduarda Praza. 526 p. (In Russian).

Klyuchevskiy V.O. 2023. *Skasaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve* [The Foreign Records Dedicated to the Muscovite State]. Moscow: "Yurayt". 286 p. (1 Ed. – Moscow, 1866). (In Russian).

Kudriavtsev O.F. 1997. Zhisn' za tsarya: russkie v vospriyatii evropeitsev pervoy polovini XVI veka [A Life for the Tzar: the European's Perception of Russians in the First Half of the 16th Century]. *Rossiya v pervoy polovine XVI veka: vsglyad is Evropi* [Russia in the First Half of the 16th Century: a Glance from Europe]. Prepared by O.F. Kudriavtsev. Moscow: "Russkiy mir". P. 6–34. (In Russian).

Kudriavtsev O.F. 2008. *Florentiyskaya Platonovskaya akademiya. Ocherk istorii duhovnoy zisni renessansnoy Italii* [The Florentine Platon Academy. An Essay in the History of Intellectual Life of the Renaissance Italy]. Moscow: "Nauka". 478 p. (In Russian).

Pisarevskiy G. 1895. K istorii snosheniy Rossii s Germaniyei v nachale XVI veka [About the History of the Relations between Russia and Germany in the Beginning of the 16th Century]. *Chteniya v obzestve istorii i drevnostey rossiyskikh* [The Records of the Society of Russian History and Antiquities]. Book 2. P. 1–21. (In Russian).

Revyakina N.V. 2000. *Chelovek v gumanizme italianskogo Vosrozhdeniya* [A Man in the Italian Renaissance Humanism]. Ivanovo: Isd-vo Ivanovskogo universiteta. 323 p. (In Russian).

Rossiya v pervoy polovine XVI veka: vsglyad is Evropi [Russia in the First Half of the 16th Century: a Glance from Europe]. 1997. Prepared by O.F. Kudriavtsev. Moscow: "Russkoe slovo". 403 p. (In Russian).

Skrinskaya E.Ch. 1971. *Barbaro I Contarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazey v XV veke* [Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italo-Russian Relations in the 15th Century]. Leningrad: Nauka. 273 p. (In Russian).

Sinititsyna N.V. 1977. *Maxim Grek v Rossii* [Maximos the Greek in Russia]. Moscow: Nauka. 332 p. (In Russian).

Sinititsyna N.V. 1997. Dva mira: vosmozhnosti vsaimoponimaniya [Two Worlds: the Possibilities of the Mutual Understanding]. *Rossiya v pervoy polovine XVI veka: vsglyad is Evropi* [Russia in the First Half of the 16th Century: a Glance from Europe]. Prepared by O.F. Kudriavtsev. Moscow. P. 35–62. (In Russian).

Sobolevskiy A.I. 1903. *Perevodnaya literatura Moskovskoy Rusi. Bibliograficheskiye materialy* [The Literature Translations of Muscovite Russia, the 16–17 Centuries. The Bibliographical Materials]. *Sbornik otdeleniya russkogo yasyika i literature Imperatorskoy akademii nauk* [The Collection of Works of the Department of the Russian Language and Literature of the Emperor's Academy of Sciences]. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk. 74(1). 460 p. (In Russian).

Soloviev S.M. 1989. *Sochineniya* [The Works]. Moscow: "Misl'". 783 p. Book III. (In Russian).

Choroshkevich A.L. 1980. *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezdunarodnih otnosheniyah konza XV -nachala XVI vekov* [The Russian State in the International Relations of the End of the 15th and the Beginning of the 16th centuries]. Moscow: "Nauka". 295 p. (In Russian).

Choroshkevich A.L. 2008. Sigismund Herberstein I ego Sapiski o Moskovii [Sigismund Herberstein and His Rerum Moscovitarum Commentarii]. *Herberstein S. Sapiski o Moskovii* [Herberstein S. Rerum Moscovitarum Commentarii]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy misli. Vol. II. P. 7–258. 295 p. (In Russian).

Shmurlo E.F. 1937. Rim i Moskva. Nachalo snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Papskim prestolom (1462–1528). [Rome and Moscow. The Beginning of the Relations of the Muscovite State with the Popes (1462–1528)]. *Sapiski russkogo istoricheskogo obschestva v Prage*. Praga Cheshskaya; Narva [The Records of the Russian Historical Society in Prague]. Prague; Narva: Tiskla knihtiskarna Petra Duska v Ricanech. Book 3. P. 91–136. (In Russian).

Simchich O. 1996. Diplomatica missiya posla Maximiliana I Francesco da Collo I ego "Relazione di Moscovia" [The Diplomatic Mission of Maximilianus' the I Ambassador Francesco da Collo and His "Relazione di Moscovia"]. *Francesco da Collo. Donoshenie o Moskovii* [Francesco da Collo. "Relazione di Moscovia"]. Moscow: "Nasledie". P. 5–43.

Список литературы на русском языке:

Гамель И.Х. 1865. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Приложение к VIII тому записок Императорской академии наук. Санкт-Петербург: Типография Имп. Акад. Наук. 179 с.

Гарэн Э. 1986. Проблемы итальянского Возрождения. Москва: «Прогресс». 495 с.

Граля И. 1992. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В.Б. Кобрин. Москва. С. 46–50.

Зимин А.А. 1972. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). Москва: «Наука». 452 с.

Карамзин Н.М. 1842. История государства Российского. Москва: В типографии Эдуарда Праца. Кн. II. Т. VII. 526 с.

Ключевский В.О. 2023. Сказания иностранцев о Московском государстве. Москва: «Юрайт». 286 с. (1 изд. – М., 1866).

Кудрявцев О.Ф. 1997. Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. Составитель, автор вступительных статей, примечаний, указателей - О.Ф. Кудрявцев. Москва: «Русское слово». С. 6–34.

Кудрявцев О.Ф. 2008. Флорентийская Платоновская академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. Москва: «Наука». 478 с.

Писаревский Г. 1895. К истории сношений России с Германией в начале XVI века. Чтения в обществе истории и древностей российских. Кн. 2. С. 1–21.

Ревакина Н.В. 2000. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново: Изд-во Ивановского ун-та. 323 с.

Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. 1997. Составитель, автор вступительных статей, примечаний, указателей - О.Ф. Кудрявцев. Москва: «Русский мир». 403 с.

Симчич О. Дипломатическая миссия посла Максимилиана I Франческо да Колло и его "Relazione di Moscovia". Франческо да Колло. Доношение о Московии. Москва: «Наследие». 1996. С. 5–43.

Синицына Н.В. 1977. Максим Грек в России. Москва: «Наука». 332 с.

Синицына Н.В. 1997. Два мира: возможность взаимопонимания. Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. Москва: «Русский мир». С. 35–62.

Скржинская Е.Ч. 1971. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Ленинград: «Наука». 273 с.

Соболевский А.И. 1903. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. Наук. Т. 74. N 1. 460 с.

Соловьев С. М. 1989. Сочинения. Кн. III. Москва: «Мысль». 783 с.

Хорошкевич А.Л. 1980. Русское государство в системе международных отношений конца XV– начала XVI в. Москва: «Наука». 295 с.

Хорошкевич А.Л. и др. 2008. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии». *Герберштейн С. Записки о Московии*. Перевод А.И. Малеина, А.В. Назаренко. Москва: «Памятники исторической мысли». Т. II. С. 7–258.

Шмурло Е.Ф. 1937. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с Папским престолом (1462–1528). *Записки русского исторического общества в Праге*. Прага Чешская; Нарва: Tiskla knihtiskarna Petra Dusca v Rikanech. Кн. 3. С. 91–136.